

ЗВЕРЬ

Сесилия Суарез

18+

Сесилия Суарез

Зверь

«Автор»

2026

Суарез С.

Зверь / С. Суарез — «Автор», 2026

Меня зовут Ева, я бухгалтер в подпольном клубе. Мой дядя задолжал «Кувалде» огромную сумму. Теперь я — его талисман. Я должна смотреть, как он ломает людей в клетке, а потом перевязывать его раны. Но его одержимость рингом сильнее одержимости мною. Или нет?

Содержание

Глава 1. Запах мужской крови и дешёвого героизма	5
Глава 2. Точка невозврата	8
Глава 3. Маты	11
Глава 4. Попытка дезертирства	15
Глава 5. Талисман	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сесилия Суарез

Зверь

Глава 1. Запах мужской крови и дешёвого героизма

Я ненавижу этот запах.

Он въедается в одежду, волосы, под ногти. Смесь пота, машинного масла и дешёвого антисептика, которым здесь поливают всё — от ринга до раковин в туалете. Если бы мне платили за каждый раз, когда я ловлю себя на мысли «Господи, зачем я здесь?», я бы уже купила остров в Средиземном море и поселилась там с котом.

Но дядя Витя сказал: «Ева, ты мне нужна. Оформляй ставки, считай доходы — кого я ещё позову? Чужих людей боюсь». И я, дура с дипломом бухгалтера, согласилась. Теперь вот сижу в углу под трибуной клуба «Кровавый спорт» за складным столом, который шатается, стоит на него надавить локтем, и считаю цифры, пока за спиной мужики лупят друг друга ради пачки грязных купюр.

Сегодня пятница. В клубе особенно людно. Пахнет дешёвым виски и чьим-то страхом. Я поправляю выбившуюся прядь волос, грызу колпачок ручки («вредная привычка, Ева, ты бухгалтер, а не грызун» — ворчит дядя) и пытаюсь свести дебет с кредитом. Сорок три тысячи. Пятьдесят одна. Чёрт, не сходится.

— Мелкая, завязывай с математикой! — кричит мне дядя Витя из прохода. Он в залоснившейся футболке, с планшетом под мышкой. — Сейчас «Кувалда» выходит. Хочу, чтобы ты посмотрела. Это шоу, детка. Шоу!

— Я видела бои, дядь, — снимаю очки (от напряжения болят глаза), протираю стёкла краем свитера. — Голые мужики, которые мечтают заработать на новую тачку. Романтика.

— Ты скептик, — усмехается он и уходит в толпу.

Толпа — это отдельный вид искусства. Здесь и бизнесмены в дорогих костюмах, которые приходят пощекотать нервы, и мужики с татуировками на шее, и девушки с такими каблуками, что ими можно забить гвоздь. Все они кричат. Все они хотят крови. И я — единственная, кто сидит с калькулятором и считает, сколько денег уйдёт на зашивание рассечённых бровей и откачивание бойцов.

Хлюпый диджей в рыжем неоновом бомбере за старым пультом взрывает колонки басами. Свет гаснет, загорается прожектор над клеткой из стальной сетки. И под рёв публики выходит он.

Руслан Соколов. «Кувалда».

Я вижу его впервые так близко.

Обычно я ухожу, когда начинаются бои, — прячусь в дядином кабинете, делаю вид, что проверяю отчёты. Но сегодня дядя сказал: «Оставайся. Посмотри на будущего чемпиона». И вот я смотрю. Потому что все-таки интересно.

Ростом под потолок — в нем метра два, наверняка, не меньше. Волосы тёмные, мокрые. Лицо грубое. Глаза серые, почти белые в свете софитов. Скулы крепкие, нос с горбинкой, переломанный, губы плотно сжаты. На торсе — идеальная анатомия: сухая мышца, ни грамма жира, синяки от предыдущих боёв — как карта, которую не просят показывать. Он похож на человека, который никогда не улыбается.

По крайней мере, пока не войдёт в клетку.

А вот когда входит — улыбается. Криво, жестоко. Как волк, который нашёл ягнёнка. Соперник напротив — здоровый детина с бычьей шеей и круглыми от страха глазами —

дрожит. А Руслан просто снимает толстовку, бросает её на пол, остается в простой майке, и мускулы на его предплечье дёргаются в такт музыке.

Я задерживаю дыхание.

Бой начинается.

Это не спорт. Это убийство с перерывами. Руслан не блокирует удары — он уходит в сторону на миллиметр, не больше. Он экономит движения, как скупец — копейки. Каждый его удар — выверенный, как взмах скальпеля. Он бьёт в челюсть — раз, в печень — два, в висок — три. Соперник падает через сорок секунд. Лежит, как мешок с мясом.

Толпа орёт.

А Руслан поднимает голову и... смотрит прямо на меня.

Я застываю с калькулятором в руках. В серых глазах — ни кровожадности, ни гордости. Там что-то другое. Голод. Тот самый, который бывает, когда не ешь два дня и видишь тарелку супа. Я чувствую, как мои щёки заливают румянцем. Поправляю прядь волос, чтобы выровнять дыхание — без толку.

Он отворачивается первым.

Выходит из клетки, разрывая боксёрский бинт зубами. Весь в чужой крови. Идёт прямо ко мне.

— Бухгалтерша, — говорит хрипло, почти шёпотом. — У тебя есть перекись?

Я моргаю. «Он ко мне обращается?»

— В смысле... перекись? — пишу я. Голос звучит как у перепуганного воробья. — Зачем?

— Кровь с уха вытереть, — он наклоняет голову, и я вижу рассечение за ухом — сантиметра три, неглубокое, но кровь течёт за воротник. — Или ты только деньги считать умеешь?

В его тоне нет оскорбления. Скорее — усмешка. Провокация. Я выпрямляюсь, откладываю калькулятор и лезу в сумку — у меня всегда есть аптечка, потому что дядя вечно порежется то бритвой, то еще чем-то.

— Садись, — команду я, доставая перекись и ватные диски. — И не капай на мой стол.

Он садится на корточки рядом, чтобы я достала до его затылка. От него пахнет мылом, железом и ещё чем-то... мужским. Очень мужским. Я стараюсь дышать ртом, чтобы не втягивать этот запах, но получается плохо.

— Больно будет, — предупреждаю я, прижимая диск к ране.

— Я терпеливый, — отвечает он и не морщится даже, когда перекись шипит. Только челюсть сжимает. Кость под моими пальцами твёрдая, как гранит.

— Ты всегда так... дерешься? — спрашиваю я, чтобы отвлечься. — Без капы? Без защиты? Или тебе жить надоело?

— А тебе есть до этого дело?

Он поворачивает голову, и наши лица оказываются в двадцати сантиметрах. Глаза в глаза. Его ресницы — тёмные, густые, а внутри серой радужки — золотые искры. Я не дышу.

— Нет, — вру я. — Просто если ты сдохнешь, дяде некому будет ставить бои. А мне — считать его доходы.

Руслан усмехается. Впервые. Уголок губ поднимается, и я вижу ямочку на щеке, которую невозможно заметить с трибуны.

— Ты забавная, мышь, — говорит он. Потом встаёт, забирает из моих рук вату. — Ладно. Увидимся на следующем бое.

— С чего ты взял, что я приду? — бросаю я в спину.

Он оборачивается. Свет падает на его лицо, делая тени резче.

— Потому что я выиграю чемпионат. А ты будешь на это смотреть. На каждый мой бой. Он уходит.

А я сижу, сжимая грязный ватный диск в кулаке, и чувствую, как мою грудную клетку разрывает дикая, невозможная смесь — страха и интереса.

— Господи, Ева, — шепчу я себе под нос. — Ты бухгалтер, а не героиня любовного романа. Завязывай.

Но внутри всё трепещет. И я знаю, что через три дня, когда будет следующий бой, я не спрячусь в дядином кабинете. Я приду. И буду смотреть.

Только на него.

Глава 2. Точка невозврата

Три месяца назад. Окраина города, кофейня «У Палыча».

Руслан ненавидел это место.

Пластиковые столики с пятнами от кофе, запах жареных пирожков и дешёвого табака, вечно хрипкое радио, из которого орёт шансон. Но здесь кормили до отвала за двести рублей, а напротив — парковка, где можно оставить старенький «Форд», не боясь, что снимут колёса.

Он только что отпахал двухчасовую тренировку. Руки дрожали от усталости, под левым глазом наливался синяк — спарринг с новеньким тяжеловесом оставил след. В затылке пульсировала тупая боль. Всё тело просило одного: лечь на пол и не двигаться.

Но сперва нужно было съесть этот чёртов пирожок с капустой и не сдохнуть от отвращения.

Руслан сидел у окна, хмуро разглядывая прохожих. Серая масса. Люди-тени, которые торопятся домой, в свои маленькие жизни с маленькими проблемами. Он не завидовал. Он вообще никому не завидовал — только презирал. За слабость. За привычку жаловаться. За то, что они чувствуют, а он — нет.

Он уже три года не чувствовал ничего, кроме боли и злости.

Двадцать шесть лет, десять из них — в подпольных боях. Тринадцать переломов рёбер, два сотрясения, сломанный нос, который так и не сросся правильно, и коллекция шрамов. Он был машиной, которая выходит в клетку, вырубает соперника и возвращается в бетонную коробку, которую называет домом.

Машине не нужны чувства.

Он откусил пирожок — безвкусная резина — и поднял глаза на улицу.

И сердце пропустило удар.

За грязным, заляпанным стеклом сидела девушка. На остановке, ждала свой автобус. Она была обычная. Русые волосы собраны в хвост, выбившиеся пряди падают на глаза. Большой мешковатый свитер, такой носят, когда хотят спрятаться. Джинсы. В руках — яблоко, которое она грызла без всякой грации, сосредоточенно и так вкусно, как будто это было лучшее яблоко на свете.

Она не была красавицей.

Но от неё шёл свет.

Руслан замер. Пирожок повис в руке, капуста вывалилась на стол — он не заметил. Он смотрел, как она поправляет прядь волос — привычный жест, как будто делает его тысячу раз на дню. Как шуруется на солнце, потому что ветер толкает облака, и то темно, то светло. Как улыбается чему-то своему — уголки губ ползут вверх, глаза становятся теплее.

Удар.

Не такой, как от кулака тяжеловеса. Глубже. Внутри что-то щёлкнуло, словно кость встала на место после долгого вывиха.

— Эй, парень, ты есть будешь? — гаркнула продавщица из-за стойки.

Руслан не ответил. Девушка поднялась с лавочки, поправила юбку и уехала на желтом автобусе. Он знал, куда она идёт. Потому что через минуту после того, как автобус скрылся за углом, он уже сидел в своём «Форде» и ехал следом.

Кто ты? Кто ты такая?

Он не спал три ночи.

Не мог. Каждый раз, когда закрывал глаза, видел её. Зелёные. У неё были зелёные глаза, он разглядел, когда она повернулась к свету. Болотные, с крапинками, как у кошки.

Племянница Витька — того самого, который тренировал его последние два года.

— Соколов, ты чего в мою племянницу вцепился? — спросил дядя Витя, когда Руслан в лоб спросил про девушку.

— Ничего не вцепился. Познакомиться хочу.

— Не надо тебе с ней знакомиться. Она у меня тихая, умная, хорошая девка. А ты... — Витек замаялся, подбирая слова. — Ты зверь, Соколов. Разорвёшь.

— Я не рву, — ответил Руслан холодно. — Я просто хочу на неё смотреть.

Витек скрестил руки на груди, потом вздохнул и сказал:

— Слушай. Помоги мне деньгами. У меня долг по аренде зала. А я сделаю так, что она будет на всех твоих боях. Я её попрошу — она не откажет. Но только смотреть.

Руслан вытащил пачку купюр из кармана — все до копейки, выигранные в прошлом бою.

— Этого хватит?

Дядя Витя присвистнул, пересчитал.

— Хватит на полгода.

— Тогда она будет на каждом бое полгода. Сидеть в первом ряду. И смотреть только на меня.

— Ты уверен, какой тебе это? — спросил тренер.

— Не уверен, — честно сказал Руслан. — Но я хочу это проверить.

И теперь, когда она сидела за тем столом под трибунами, грызла колпачок ручки и что-то там высчитывала, он чувствовал то же самое, что в первый день у кофейни. Только в десять раз сильнее.

Он стоял в проходе, закатывая бинты на кулаки. Витек подошёл, хлопнул по плечу.

— Сегодня тяжёлый соперник, Соколов. Грузин, молотит как цепной пёс. Береги лицо.

— Мне всё равно на лицо, — ответил Руслан. Глаза смотрели туда, где сидела она.

— Ты на неё смотришь, а не на соперника. Это проблема.

— Это не проблема. — Руслан отпустил бинт, поднял голову. — Это причина, по которой я выигрываю.

Он вышел в клетку.

Прожектор ударил в глаза, толпа заревела. Соперник — гора мышц, татуировки на бритой голове — топтался в углу, выпуская пар. Руслан не смотрел на него. Он смотрел в зал. Нашёл её зелёные глаза — широко распахнутые, испуганные, но живые. Она встала, чтобы было лучше видно.

«Смотри на меня,мышь, — мысленно сказал он. — Смотри только на меня».

И вырубил грузина за сорок секунд.

Когда соперник рухнул на маты, Руслан поднял голову и увидел, как она замерла. Всё та же прядь волос упала на глаза, и она заправила её за ухо — автоматически, не думая. Потом прикусила губу.

Грызёт. Волнуется.

Его сердце забилося чаще, чем в бою.

Он сошёл с ринга, прошёл через толпу, которая хлопала его по спине, кричала «Кувалда, красавица!». И направился к её столу.

— Бухгалтерша, — сказал он хрипло. — У тебя есть перекись?

Она смотрела на него снизу вверх, и в зелёных глазах плясали искры. Свитер сполз с плеча, открывая тонкую ключицу. Он заметил, как она дышит — часто, поверхностно, и каждое движение грудной клетки заставляло его кулаки сжиматься. Хотелось наброситься, взять, сделать своей.

Не трогай. Не сейчас.

— В смысле — перекись? — переспросила она, и голос её дрогнул.

Он хотел ответить что-то грубое, чтобы напугать её — и себя заодно. Но вместо этого сказал:

— Кровь с уха вытереть.

И наклонил голову, чтобы она увидела рану. Зацепило. Ему правда было больно, и она это заметила — выражение её лица смягчилось, испуг сменился деловой сосредоточенностью.

Она полезла в сумку, достала аптечку. И пока её тонкие прохладные пальцы касались его шеи, прижимая вату к ране, Руслан чувствовал, как рушится последняя стена.

«Я попал. Я попал, мать твою»

— Ты всегда так дерешься? — спросила она, и он уловил в голосе не только испуг, но и любопытство. — Без капы? Без защиты?

— А тебе есть до этого дело?

Она замерла на секунду. Потом ответила:

— Нет. Просто если ты сдохнешь, дяде некому будет ставить бои. А мне — считать его доходы.

И Руслан не выдержал — рассмеялся. Тихо, хрипло, но искренне. Он не смеялся уже года три, наверное.

— Ты забавная, мышь, — сказал он, вставая.

Потом ушёл. Не оборачиваясь. Потому что если бы он обернулся, то не ушёл бы точно.

В раздевалке он сидел под холодным душем, смывая чужую кровь, и думал об одном. Она грызёт колпачок ручки. Она поправляет выбившуюся прядь. Она носит свитер на два размера больше, чтобы спрятать тонкую талию. Она не красится, не носит каблуки, не умеет флиртовать. Она не знает, как прекрасна, когда щурится на свет.

Ева.

Он произнёс её имя вслух, и оно обожгло губы.

— Я сделаю всё, — пообещал он пустому помещению. — Выиграю этот чёртов чемпионат. А потом ты станешь моей.

За стеной кричала толпа — следующий бой только начинался. Но Руслан не слышал ни звука. Он закрыл глаза и снова видел её — за стеклом кофейни, грызущую яблоко, абсолютно счастливую в своей обычности.

И впервые за долгие годы — не захотел умирать.

Захотел жить.

Ради неё.

Глава 3. Маты

Я выжила.

Сорок секунд ада, когда сердце колотилось где-то в горле, а ладони покрылись липким потом. Сорок секунд, за которые Руслан Соколов превратил живого человека в мешок с костями.

А потом он подошёл ко мне. Попросил перекись. Посмеялся.

И ушёл.

Я выдохнула так громко, что сидящий рядом охранник обернулся.

— Ты в порядке, девушка? — спросил он, жуя семечки.

— В полном, — соврала я. — В полнейшем. У меня всё прекрасно. Я просто... восхищаюсь чистотой ваших матов.

— Ага, — хмыкнул он и отвернулся.

Я схватила свой потрёпанный рюкзак, запихала туда калькулятор, папки, аптечку и на негнувшихся ногах поплелась к выходу.

Дядя Витя перехватил меня уже у двери.

— Ева, ты куда? Следующий бой через час.

— Домой, — выдавила я. — Считать валютную выручку от продажи моих нервных клеток.

— Не дури. Соколов хочет, чтобы ты была на каждом его бою.

— А я хочу, чтобы у меня не случился инфаркт в двадцать. — Я попыталась обойти его, но дядя — здоровый мужик, бывший борец — загородил проход телом.

— Ева, — он понизил голос. — Пожалуйста. Он заплатил. Вперёд. За полгода.

Я замерла.

— Что значит — заплатил?

Дядя Витя покраснел. Почесал затылок. Потом выпалил:

— Долг у меня был. По аренде зала. Если бы не он, нас бы вышвырнули на улицу. Он дал деньги. Взамен попросил... ну... чтобы ты была на его боях.

В голове не укладывалось.

— Ты продал меня, как мешок картошки?

— Не продал! — взвился дядя. — Ты бухгалтер! Ты просто сидишь и считаешь! Это твоя работа!

Я вылетела на улицу, хлопнув тяжёлой железной дверью клуба. Ночь была тёплой, но меня трясло как в лихорадке. Схватившись за перила, я глубоко вдохнула — раз, второй, третий.

Спокойно, Ева. Ты бухгалтер. Ты считаешь деньги. Ты не умеешь истерить.

Но внутри всё кипело. Этот наглый, самовлюблённый... зверь (дядя был прав, слово Руслану подходило идеально) каким-то образом организовал всё, чтобы я была рядом. Он заплатил за моё присутствие. Как за билет в театр. Как за стриптиз, чёрт возьми!

Я уже почти дошла до остановки, когда услышала сзади шаги.

Тяжёлые, размеренные. Как у хищника, который крадётся к добыче, но даже не пытается скрываться — ему это не нужно.

— Мышь, стой.

Я обернулась.

Руслан Соколов стоял в трёх метрах, засунув руки в карманы толстовки. Волосы ещё влажные после душа. Уличный фонарь освещал его сбоку, делая тени резче, а глаза — почти чёрными.

— Как ты меня назвал? — спросила я, прижимая рюкзак, как щит.

— Мышь. — Он сделал шаг ко мне. Я — такой же шаг назад. — Ты похожа на мышку. Большие глаза, дрожишь вся, шуршишь бумажками. И грызёшь свои ручки.

— Это профессиональная деформация, — огрызнулась я. — А ты похож на... на...

— На кого?

— На... — Я запнулась. Потому что не могла же я ему сказать, что он похож на бога войны, сошедшего с древней фрески. Только в толстовке и с пластырем за ухом. — На человека без чувства такта.

Руслан почти улыбнулся.

— Ты злишься, что я заплатил твоему дяде?

— Я злюсь, что меня не спросили!

— А ты бы согласилась? — Он остановился в метре от меня. — Если бы я подошёл к тебе на улице и сказал: «Девушка, я хочу, чтобы вы смотрели, как я избиваю людей. Плачу пятьдесят тысяч в месяц»?

Я нахмурилась.

Потому что нет. Не согласилась бы. Подумала бы, что сумасшедший.

— Вот видишь, — сказал он тихо. — Пришлось действовать в обход.

— Это называется манипуляция, — прошипела я. — И шантаж. И...

— И любовь с первого взгляда, — перебил он.

Я подавилась воздухом.

Он смотрел на меня в упор, и в серых глазах не было ни тени насмешки. Только голод. Тот самый, который я видела сегодня. И ещё что-то — хрупкое, незащищённое. То, чего не должно быть у человека, который ломает челюсти голыми руками.

— Ты ненормальный, — выдохнула я.

— Возможно, — согласился он. — Но с того момента, как я увидел тебя в кофейне три месяца назад, я не могу думать ни о чём другом. Ты сидишь в моей голове, мышь. Грызёшь свои ручки. Поправляешь волосы. Шуришься на свет.

— Ты следил за мной? — ахнула я.

— Я узнал, кто ты. Это разные вещи. — Он сделал ещё шаг. Я упёрлась спиной в фонарный столб. Отступить некуда. — Я не хотел тебя пугать. Я хотел просто смотреть. Но с каждым боем это становится невыносимее.

— Что — невыносимее?

— Желание. — Он произнёс это слово так, будто оно жгло ему язык. — Прикоснуться. Узнать, пахнешь ли ты так же, как мне кажется.

— И как же я пахну? — пискнула я.

Он наклонился. Очень медленно, давая мне возможность отшатнуться. Я не отшатнулась. Не могла. Тело перестало слушаться разума.

Руслан вдохнул у моей шеи — глубоко, как наркоман, который наконец получил дозу.

— Бумагой, — сказал он хрипло. — Типографской краской и чем-то сладким. Яблоком. Ты всегда ешь яблоки?

— Это полезно, — выдавила я.

Его дыхание обжигало кожу на шее. Я чувствовала жар его тела сквозь толстовку. Он не касался меня. Совсем. Но между нами будто натянулась струна, готовая лопнуть в любую секунду.

— Послушай, — прошептал он. Губы почти касались моего уха. — Я проигрываю бои, потому что думаю о тебе каждую секунду. Ты сводишь меня с ума в прямом смысле. Сегодня я чуть не пропустил удар — потому что смотрел, как ты грызёшь ручку.

— Это была очень вкусная ручка, — брякнула я и тут же захотела провалиться сквозь землю. Из всего, что можно было сказать, я выбрала это? Черт возьми!

Руслан замер. Потом отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть мне в глаза. И я увидела в них... Нежность. Такую острую, что у меня заныло под ложечкой.

— Ты невыносима, — сказал он. — И я сейчас скажу тебе кое-что. Ты испугаешься. Но я должен.

— Я уже испугалась, — честно призналась я. — Сильнее некуда.

— Или ты станешь моей, — он говорил очень тихо, но каждое слово врезалось в память калёным железом, — или я убью следующего соперника голыми руками. Без перчаток. Без правил. Прямо в клетке. При тебе.

У меня подкосились колени.

— Ты... ты не сделаешь этого, — прошептала я, хотя в глубине души точно знала: сделает. Сделает, чёрт возьми. Этот человек не умеет блефовать.

— Хочешь проверить? — спросил он. — В следующую пятницу. Выхожу на бой с Барсуком. Психически неуравновешенный тип, двадцать три победы, восемь — нокаутом. Если ты скажешь «нет», я включу режим «без тормозов» и посмотрю, сколько ударов мне понадобится, чтобы его сердце остановилось.

— Ты с ума сошёл!

— Да. — Он кивнул. — Я сошёл с ума по женщине, которая боится собственной тени и считает деньги в подпольном клубе. Две недели я не спал, потому что ты мне снилась. Три месяца я выходил в клетку и представлял, что ты смотришь на меня. А сегодня, когда ты выпирала мне кровь, я понял: или сейчас, или никогда.

Я дрожала. Всё тело трясло крупной дрожью — от страха, от холода (хотя ночь была тёплой), от его близости. Он всё ещё не касался меня — только смотрел. И этого было достаточно, чтобы я чувствовала себя голой.

— У меня есть условия, — выдавила я, сама не веря, что говорю это.

Его бровь взлетела вверх.

— Я слушаю.

— Ты выигрываешь чемпионат, — слова вылетели быстрее, чем я успела их обдумать. — Становишься лучшим в своей лиге. А потом... потом посмотрим.

Я ждала, что он рассмеётся. Скажет «ты торгуешься с бандитом?». Или просто прижмёт к стене и возьмёт своё — он ведь мог, я бы даже не пикнула.

Но Руслан отступил.

Целый шаг назад.

И улыбнулся. Настоящей улыбкой, которая превратила его суровое лицо в лицо мальчишки, получившего лучший подарок на день рождения.

— Договорились, мышь, — сказал он. — Я выиграю каждый бой. Я разорву всех на части. А ты будешь смотреть.

— У меня работа, — пискнула я.

— Твоя работа — смотреть на меня, — ответил он. — И считать. Я плачу, между прочим.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Уверенной, тяжёлой походкой человека, который никогда ни в чём не сомневается.

Я сползла по фонарному столбу на корточки.

— Что я наделала, — прошептала в пустоту. — Господи, что я наделала.

Сердце колотилось где-то в горле. Внизу живота пульсировало странное, незнакомое тепло — там, где минуту назад было пусто и холодно.

Я не была с мужчиной никогда.

И только что пообещала себя одному из самых опасных людей в этом городе.

Если он выиграет чемпионат.

А если не выиграет? Сдохнет на ринге? Или сам превратится в мешок с костями?

Я закрыла лицо руками и тихо застонала.

В двадцать лет, имея диплом бухгалтера и идиотскую привычку грызть ручки, я умудрилась заключить сделку с дьяволом в боксёрских перчатках.

И хуже всего было то, что где-то в глубине души — там, где разум уже не властен — я ждала следующего боя.

Ждала, чтобы снова увидеть его.

Руслана.

«Кувалду».

Моего личного, персонального зверя с серыми глазами и с разбитыми костяшками.

Я поднялась, отряхнула джинсы и побрела к остановке.

Глава 4. Попытка дезертирства

На следующее утро я проснулась с твёрдым убеждением: меня разбудил не будильник, а похмелье. Хотя я не пила ни капли спиртного. Просто переговоры с Русланом Соколовым — это тот ещё коктейль из адреналина, страха и странного томления внизу живота, которое я отказывалась признавать.

Я лежала в своей комнате над спортзалом (девять квадратных метров, обои в цветочек, запах жареного лука, круглосуточно доносившегося от соседей снизу) и смотрела в потолок. Светло-серый, с трещиной в углу.

— Ты спятила, Ева, — сказала я вслух. Потом добавила для убедительности. — Совсем спятила.

В зеркале на дверце шкафа отражалась я. Растрёпанная, со следами от подушки на щеке, в пижаме. Волосы торчат в разные стороны, под глазами круги — не спала до трёх, всё прокручивала в голове наш разговор у фонарного столба.

«Или ты станешь моей, или я убью следующего соперника голыми руками».

Кто так говорит?! В каком веке мы живём? Где мужчины приглашают женщин в ресторан, дарят букеты цветов, ходят вместе в кино. А у меня — ультиматум с элементами членовредительства.

— Нет, — сказала я себе. — Так дело не пойдёт. Я бухгалтер. Я решаю проблемы цифрами, а не поддавками под давлением.

Я достала телефон и набрала дядю Витю.

— Ева, ты чего в такую рань? — сонно проворчал он.

— Дядя, — я старалась говорить спокойно. Профессионально. Как на переговорах с налоговой. — Я увольняюсь.

Молчание в трубке. Потом тяжёлый вздох.

— Нельзя.

— Это ещё почему?

— Потому что контракт. С Русланом. Я подписал.

— Ты подписал контракт от моего имени? — заорала я. — Это подлог! Это уголовная статья!

— Ева, ты чего орёшь? Там просто пункт, что ты обязуешься присутствовать на всех его боях в качестве официального бухгалтера клуба. Зарплата, налоги, всё по-честному. Ты за три месяца получишь столько, сколько за год не заработаешь.

— Я не хочу его деньги!

— А хочешь, чтобы я на улице оказался? И ты вместе со мной? — голос дяди стал жёстким. — Он нас вышвырнет, если ты уйдёшь. Я должен ему, Ева. Очень много. И не только за зал.

Я закрыла глаза. В груди разрасталась тяжёлая, липкая безнадежность.

— Что значит — не только за зал?

— Твою операцию. Аппендицит. Два года назад. У тебя не было полиса, скорая не брала. Я занял у него. Ева, я не хотел тебе говорить. Но он помог. А теперь просит... ну... чтобы ты просто сидела и смотрела.

Я сползла на пол. Села на холодный линолеум, обхватив колени руками.

— Он... он заплатил за мою операцию?

— Да. Сразу. Не торгуясь. Сказал: «Лечите девочку, потом рассчитаемся».

В горле встал ком.

Это меняло всё. И одновременно — ничего не меняло.

— Я подумаю, — соврала я и сбросила звонок.

До следующего боя — пять дней. У меня есть пять дней, чтобы исчезнуть. Уехать в другой город. Сменить номер. Начать новую жизнь где-нибудь, где никто не знает про подпольные бои и сумасшедших бойцов с серыми глазами.

Я открыла шкаф, достала чемодан — пыльный, желтый — и начала кидать туда вещи.

На улице стемнело. Я заказала такси до вокзала, нацепила кепку и тёмные очки (да, возможно, это выглядело глупо, но в кино всегда так делают, а у меня нет опыта побегов).

Спустилась на первый этаж.

Открыла дверь подъезда.

И чуть не налетела на стену из мышц и уверенности.

Руслан стоял на крыльце, прислонившись плечом к косяку. Его огромная фигура перекрывала весь выход. В руке — пластиковый стаканчик с кофе, вторую он засунул в карман толстовки. Волосы влажные, пахнет мылом и холодным воздухом.

— Куда собралась, мышь? — спросил он без всякого удивления.

— В... в магазин, — выдавила я, пряча чемодан за спину (желтый чемодан был заметный как пожарная машина. Отличный выбор для конспирации, Ева).

— С чемоданом?

— Там... скидка на гречку. Оптом закуплюсь.

Руслан медленно перевёл взгляд с моего лица на чемодан, потом — на мои тёмные очки (в десять вечера), потом на кепку.

Он сделал глоток кофе. Медленно. Не сводя с меня глаз.

— Ева, — сказал он тихо, и моё имя в его исполнении прозвучало как... ну, не как приговор. Скорее как обещание. — Возвращайся в комнату. Мы поговорим.

— У нас всё сказано, — я упрямо вцепилась в ручку чемодана. — Ты выигрываешь чемпионат, я смотрю. Но я не говорила, что буду делать в перерыве между боями.

— Между боями ты будешь жить свою жизнь, — невозмутимо ответил он. — Но не в другом городе. Договор есть договор.

— Ты не имеешь права меня удерживать!

— Не имею, — согласился он. И улыбнулся. Той самой убийственной улыбкой с ямочкой на щеке. — Поэтому я не удерживаю. Я прошу. Остайся. Пожалуйста.

Он сказал «пожалуйста».

Человек, который ломает челюсти голыми руками, сказал «пожалуйста».

Я растерялась так сильно, что чемодан выскользнул из пальцев и с грохотом покатился вниз по ступенькам. Колесо, которое держалось на честном слове, отвалилось и ускакало в кусты.

— Вот, — сказала я, показывая на чемодан дрожащей рукой. — Видишь, что ты наделал?

— Я не трогал твой чемодан.

— Ты его разломал своим существованием! — Я набрала воздух в грудь, чтобы выдать гневную тираду, но Руслан вдруг шагнул ко мне. Легко, бесшумно, как большая кошка. И я забыла все слова.

Он взял меня за подбородок — осторожно, кончиками пальцев, так, чтобы я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Кожа у него была прохладной и шершавой.

— Ты боишься, — сказал он. Не вопрос, утверждение.

— Немного, — призналась я, ненавидя себя за честность.

— Я страшный человек, — кивнул он. — Но не для тебя.

— Ты оплатил мою операцию, — выпалила я. — Дядя рассказал.

Его пальцы дрогнули на моём подбородке.

— Он не должен был.

— А я должна была умереть от перитонита?

— Ты должна была жить, — сказал Руслан просто. — Я узнал, что ты в больнице. Приехал. Предложил деньги. Всё. Я тебя даже не видел тогда.

Он отпустил моё лицо. Отступил на шаг.

Я смотрела на него и чувствовала, как рушатся последние бастионы. Он не герой. Он не рыцарь. Он — обычный человек, который решил, что я нужна ему. Не как вещь. Не как трофей. А как... что?

— Зачем я тебе? — спросила я шёпотом.

Он молчал долго. Так долго, что я успела услышать, как в соседнем дворе лает собака, а на пустыре играет радио.

— Ты тихая, — наконец сказал он. — Ты не кричишь. Ты не лезешь на меня. Ты не пытаешься меня изменить. Ты просто... есть. И когда я рядом с тобой, в голове становится тихо. Впервые за десять лет.

— Ты поэтому дерёшься? Чтобы в голове было тихо?

Он ничего не ответил. Только взял мой чемодан (тот самый, сиротливо лежавший на асфальте без колеса), закинул на плечо и кивнул в сторону подъезда.

— Иди, Ева. Спи. Завтра будем разбираться с твоим героическим побегом.

— Я не героическая, — буркнула я, поднимаясь по лестнице. — Я трусливая. Самая трусливая мышь на свете.

— Мыши не бывают трусливыми, — возразил он. — Они просто осторожные.

У моей двери он поставил чемодан на пол. Я вставила ключ в замок, но не поворачивала.

— Руслан?

— Ммм?

— Ты правда выиграешь чемпионат?

Он посмотрел на меня сверху вниз. В полумраке коридора его глаза казались почти чёрными.

— Я не умею проигрывать, Ева. Тем более когда на кону — ты.

Он ушёл.

Я закрыла дверь, прислонилась к косяку и сползла на пол.

Сердце колотилось как бешеное. Внизу живота снова разливалось то странное тепло — горячее, тягучее, незнакомое.

Господи, — подумала я, — кажется, я только что добровольно согласилась быть талисманом сумасшедшего бойца.

За окном завыл ветер. Чемодан сиротливо стоял в углу без колеса.

А я всё сидела на полу и улыбалась.

Потому что, чёрт возьми, впервые в жизни мне было не страшно.

Мне было интересно.

Глава 5. Талисман

Наутро после неудавшегося дезертирства я проснулась с чувством, что меня переехал каток. И каток этот был сделан из чужих кулаков и серых глаз. Чемодан так и стоял в углу.

Я заварила растворимый кофе, надела свой любимый свитер болотного цвета с вышитыми белыми ромашками и поплелась в клуб.

Дядя Витя ждал меня у входа, нервно перебирая чётки. Он не религиозный, просто успокаивает нервы. Говорит, чётки дешевле, чем таблетки от давления.

— Ева, — начал он издалека, — ты не обижайся на меня.

— Поздно, дядь.

— Ну и ладно, — махнул он рукой. — Зато теперь послушай меня внимательно. Будешь теперь «талисманом».

— Чего? Талисманом? Я бухгалтер, а не хомяк счастья.

— Руслан сказал, что ты приносишь удачу, — дядя понизил голос. — И велел передать правила.

— Правила?

— Первое: сидишь в первом ряду, у левого угла ринга. Второе: смотришь только на него. Ни на кого больше. Если отвернёшься — он проиграет раунд.

— Это идиотизм, — заявила я. — Я не могу влиять на исход боя своим взглядом.

— Можешь, — дядя посмотрел на меня с неожиданной серьёзностью. — Он так сказал. Третье: во время боя не грызёшь ручку. Не шуршишь бумажками. Не отвлекаешься. Просто сидишь и смотришь.

— А четвёртое? — съязвила я. — Дышать через раз? Или дышать мне вообще запрещено?

— Четвёртое — после боя заходишь в раздевалку и проверяешь его состояние.

Я подавилась воздухом.

— В раздевалку? К нему? Одной?

— Ну, там врач ещебудет. А ты... ну... — дядя замялся, — он сказал, что после боя ему нужно видеть тебя. Иначе не заживают раны.

— Я что, по совместительству ещё и сиделка?

— Ева, — дядя вздохнул, — не спорь. Пожалуйста. У нас и так всё на волоске. Ты просто делай вид, что это работа.

— Это не работа, — отрезала я. — Это цирк с конным членовредительством.

Но в клуб пошла.

Первый ряд. Левый угол.

Я сидела на стуле, который шатался. Вокруг орала толпа. Пахло дешёвым пивом и предвкушением насилия.

Руслан вышел в клетку под оглушительный вой сирены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.